

НОВАЯ ГАЗЕТА. — 2004. — 12-15 АВГУСТА. — С. 21

В Нижнем Новгороде проходил VIII Международный фестиваль искусств имени А. Д. Сахарова. Программа фестиваля собрана по уникальному для сегодняшнего арт-сообщества принципу: в музыке, слове, театральном высказывании озвучены темы духовного поиска, предназначения человека, исторической памяти. На Сахаровском фестивале звучали такие редко исполняемые произведения, как «Песнь о земле» Малера, Восьмой квартет Шостаковича и «Концерт на конец времени» Мессиана. Другая неожиданная особенность провинциального фестиваля — звезды мирового масштаба.

Юрий Башмет на Сахаровском бывает ежегодно (и отнюдь не проездом), а для сольного выступления выбирает вещи не слишком популярные и узнаваемые (как и в этом году, «Кол Нидрей» для альта и струнных Бруха). Странную историю рассказывали оркестр и солист, и, кажется, никогда еще драматизм противостояния одинокого человеческого голоса и окружения не звучал так убедительно. Это история «говорящего» альта Башмета и, конечно, личная тема самого артиста.

ИТАР-ТАСС

Юрий БАШМЕТ:

Многое, окружающее нас, не должно просочиться в музыку

Искусство для вас — это искусство или вертикаль, соединяющая с Богом?

— Меня не волнуют эти вопросы. Как мы будем называть эту вертикаль, не имеет отношения к делу. Мне сложнее говорить об этом, чем вам, потому что я занимаюсь музыкой. Взгляд изнутри — это и есть сама жизнь. И в ней все-таки некая исключительность и счастье, данное, наверное, не всем, постичь этот контакт. Для человека, владеющего инструментом, это ощущение почти всегда осязаемо и может быть переведено на уровень ассоциаций.

— Когда вы играете, возникают и зрительные образы?

— Помню, однажды я играл сюиту, состоящую из восьми частей, музыка меня покорила, я долго ею занимался. Родилась картинка: театр, занавес, я увидел каждую фигурку в танце. Ко мне зашел музыкант Юрий Германович Михайлов, и я поставил эксперимент: попробовал передать свою картинку через музыку, вплоть до цвета... Он увидел! Чудо музыки, по-моему, именно в том, что все могут представить твою картину, услышать твои размышления. Проблема же для меня лично сейчас — чтобы в

музыку не просочились те картинки, которые я наблюдаю в окружающей жизни.

— На одном из фестивалей мы услышали пианистку Ксению Башмет. Недавно вы обмолвились о дочери: «Любовь, конечно, сильнее, чем роля. Но не так надежно». Как складывается судьба Ксении?

— Я ведь почему так сказал? У меня было столько одаренных студенток, которые, достигнув определенного творческого и личностного уровня, выходили замуж, рожали ребенка и... ну и все. Ведь зачем Шекспир убил Ромео и Джульетту? Он не стал их сталкивать на бытовом уровне! Неминуемо пошли бы выяснения, на кого больше похож ребенок — на Монтеки или на Капулетти. В Японии это называется «харакри любви». Надо остаться на вершине счастья: лучше уже не будет.

С женщинами-музыкантами очень сложно: биологическое предназначение женщины, видимо, пересиливает творческое начало... Не знаю, как сложится у Ксении. Она вышла замуж. Когда дочка начала взрослеть, я думал, что, когда увижу ее целующейся с кем-то в подъезде, попросту прибью его!.. Но ее мужа Диму — замечательный гобоист,

очень порядочный человек — я очень полюбил. Мне нравится, что у них с Димой скромная квартира, на новоселье я им подарил котенка.

— А в вашей жизни произошли какие-то потрясения в последнее время?

— В человеческом плане я рад бы испытать потрясение! А в профессиональном у меня мечта была — исполнить с оркестром Шестую симфонию Чайковского, сломать стереотипы музыкантов и слушателей, которые привыкли воспринимать ее как траурную музыку. Читавшись в партитуру, — ведь эту музыку все знают и потому не читают первоисточник! — сделал для себя несколько открытий. Исполнили, как написано у Чайковского. Выступали в Большом зале консерватории, была стоячая овация со слезами, а я все ждал, что будут задавать вопросы — музыканты, теоретики. Я же спротоцировал их на разговор. Вместо этого получил бесполезную, но выдержанную в таком, знаете, хамском тоне рецензию — что-то насчет того, что скрипки играли в разные стороны. Я потом узнавал специально: девушка не прошла в консерваторию, теперь она — музыкальный обозреватель в солидной газете. Пока у нас такая критика, Ростропович не будет играть в России.

— Стоит ли эта ситуация публичного обсуждения?

— Я вам объясню, почему я об этом продолжаю думать и

говорить! Когда после такой статьи выходишь к оркестру и видишь глаза музыкантов... Очень трудно вернуть прежний энтузиазм.

— Что удерживает вас в России?

— Я хочу быть свободным — то есть иметь право выбора. Если бы Рихтер уехал из России, он не смог бы играть в Москве, Санкт-Петербурге. Я понял, что буду жалеть и рваться обратно, если уеду. И с какими глазами придется возвращаться? Для меня Москва — точка творческого отсчета, а Мюнхен и Париж — города, в которые приятно приезжать. И уезжать.

— Как вы решаете для себя проблему профессионального развития?

— В произведениях, которые играешь всю жизнь, всегда остается что-то еще не открытое. Кажется, вот уже дотрагиваешься, уже горячо. И вдруг — жар-птица! — открываются новые измерения. А когда «уже все» — тогда умрешь. В достижении гармонии следующая неминуемая ступенька — разрушение гармонии.

Сейчас меня очень увлекают точки пересечения разных стилей, разных композиторов: кто с кем встречался, почему, кто забрал что-то — украл или просто увлекся, не заметил, что чужое... Я джаз очень люблю. И минимализм: нот мало, а смысла много. Как у Петруччани, Питерса.

Один номер у меня родился из шутки. Я в концерте Хофмайстера перешел на Моцарта и вернулся к Хофмайстеру — просто чтобы повеселить своих ребят из оркестра. А эти композиторы дружили, встречались, вместе выпивали. Композиторы, которые знают меня, «Солистов Москвы» и наши пристрастия, уже пишут такие... отражения.

— А как вы относитесь к электронным обработкам классики?

— Не отношусь к этому негативно. Но считаю, что роля более чутко, чем синтезатор. Энергетика Баха настолько мощная, что он и на синтезаторе останется Бахом. А если кто-то познакомится с Вивальди, например благодаря Ванессе Мэй и ее короткой юбке? Что ж, тоже неплохо. Впрочем, иногда чересчур: в Японии в лифтах звучит либо Моцарт, либо Чайковский...

Ночью после концерта Юрий Башмет уехал — либо в Лондон, либо в Австралию, либо в Осло. Транзитом через Москву. «Вообще-то один мой приятель говорит: однажды ты влетишь на сцену и... увидишь там самого себя. Ты все время с опережением!» — смеясь, рассказывает Башмет. И добавляет серьезное: «Не могу считать годами — я считаю событиями».

● Елена ЧЕРНОВА
Нижний Новгород

Он может сказать восторженной девочке, лепечущей за кулисами о чувстве полета в музыке: «В чем же дело — полетели». Зрители говорят: «У него под рубашкой — крылья». За дирижерским пультом Башмет похож на ткача: выбирает нити, основу — крыло для полета. Интересно, слышал ли он, как сегодня мужчина из зала крикнул, перекрыв аплодисменты: «Мы вас любим!».

В гримерке закурил. Улыбнулся сквозь усталость.

— Лишь несколько событий в моей концертной жизни повторяются регулярно: «Декабрьские вечера» в Москве, выступления в Сиене и Туре и Сахаровский фестиваль. Каждое место имеет свое собственное время и собственную скорость времени. Часто чувствуешь, приезжая: вот прошел год... В Нижнем Новгороде кажется: нигде не уезжал, будто время здесь неразрывно. Меня спросили: я сюда ежегодно приезжаю? Что это? Мужское постоянство? Когда возникает большое чувство, не возникает вопроса о верности.

В этот город я приезжал начинающим музыкантом — с квартетом Бородина, — и обкатывал здесь все свои новые программы. Помню, как в Горьком встречали на перроне с ключом от люка (независимо от звания, это в советские времена!) и с топленным молочком на завтрак...

Здесь — адрес души. Фестиваль связан с идеей правды и искренности — тем, без чего невозможно искусство. И Слава Ростропович приезжает сюда по собственной инициативе — играть или дирижировать. У этой филармонии был великий Гусман, здесь звучали весь Шнитке и премьеры Канчели. Это все неслучайно, это и есть настоящее. А многое из происходящего в столицах — ненастоящее.

— Для человека вашего статуса актуальна проблема соотношения этики и эстетики?